

Протопресвитер Борис Бобринский

ЦЕРКОВЬ И ЕВХАРИСТИЯ

В современном православном сознании Тайна Церкви неотделима от Тайны и от Таинства Евхаристии. «Там где Евхаристия, там и Церковь», — писал св. Киприан Карфагенский¹. Я дерзну утверждать, что когда совершается Евхаристия, выявляется подлинная природа Церкви, ее таинственное и сокровенное бытие. Итак, можно говорить о евхаристической природе Церкви или, как принято говорить у нас на Западе, о евхаристической экклезиологии.

Как православное богословие не является плодом рассудочного упражнения, но лишь выражает словесно и умозрительно глубочайший соборный опыт Православной Церкви всех времен, так и осознание евхаристического измерения Церкви и богословия о ней лишь выявляет глубокое сознание Церкви, что Евхаристия есть средоточие всей духовной жизни, как верующего христианина, так и всего Церковного Тела.

Понятие евхаристической экклезиологии было, вероятно, впервые выдвинуто протопресвитером о. Николаем Афанасьевым, профессором канонического права и церковной истории в Свято-Сергиевском Православном Богословском Институте в Париже. Уже в 30-е годы в ряде статей, а затем после второй мировой войны в своей докторской диссертации под заглавием «Церковь Святого Духа» о. Николай Афанасьев развивал свою мысль о противополжении двух экклезиологических построений, а именно: римо-католического, нашедшего свое конечное выражение и формулировку в т. н. универсальной экклезиологии, восходящей пирамидально, в конечном счете, к вселенскому примату Римского Папы как Викария, или Наместника, Христа, и экклезиологии евхаристической, нашедшей свое наилучшее выражение уже в Посланиях священномучеников Игнатия Богоносца, Поликар-

¹ О единстве католической Церкви. 5.

па Смирнского и Иринея Лионского. В совокупности трех сакраментальных начал — Церковь, Евхаристия, Епископ — совершается в истории тайна спасения. Полнота троичной благодати пребывает в Церкви на каждом месте совершения божественной литургии и вообще через посредство совершения святых тайн.

Итак, согласно своему евхаристическому измерению, местная Церковь возглавляется своим предстоятелем, епископом, окруженным пресвитерами, диаконами и народом Божиим. В своем председательстве епископ является образом Христа и сосредотачивает в себе все харизмы Духа, изливаемые на народ Божий как носителя царственного и пророческого священства. Но епископ поставляется всегда для определенной местной Церкви, и через него, как предстоятеля Евхаристии, выражается связь и единство местной Церкви и Единой Церкви Христовой. «Там где появляется епископ, да будет там собрание, так же как там, где Христос Иисус, там кафолическая Церковь»¹.

В наше время митрополит Пергамский Иоанн (Зизиулас) развивает воззрения своих предшественников — о. Николая Афанасьева, о. Георгия Флоровского, о. Александра Шмемана и о. Иоанна Мейендорфа, подчеркивая, что Евхаристия не мыслится лишь как одно из таинств Церкви, но — как сама Церковь, как Таинство, в котором актуализируется тайна Всецелого Христа (Главы и Тела) в истории, как общее дело всей Церкви, выявляющее само ее бытие и призвание.

Образ Церкви как Тела Христова, представленный нам в Посланиях апостола Павла, лежит, конечно, в корне экклезиологических воззрений митрополита Иоанна. Он подчеркивает момент глубокого, онтологического единства Христа и Церкви, выражающегося в образе единства Тела и Главы. В рамках этого образа нельзя даже мыслить о Христе, то есть о Главе, без Тела, то есть без Церкви, и обратно — о Церкви без Главы. В наше время митрополит Пергамский с предельной ясностью подчеркивает значение этого образа для православного богословия о Церкви.

Но тайна Церкви многогранна, и нельзя ее ни исчерпать, ни ограничить лишь одним библейским образом. Наряду с образом Церкви как Тела Христова, апостол Павел представ-

¹ *Св. Игнатий Богоносец. Послание к Смирнякам. 8, 2.*

ляет также Церковь в качестве Невесты, обращенной к своему Небесному Жениху. Мы здесь уже находим не органическое единство Тела и Главы, а брачный союз, единение и обращенность Невесты к Жениху. Ветхозаветные корни этого образа наглядны, и последняя книга Нового Завета заключается зовом: «И Дух и невеста говорят: прииди!.. Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр 22:17, 20). Именно в божественной Евхаристии совершается устремленность Церкви и всякой христианской души к Небесному Жениху — Христу.

Сопоставление и сочетание этих двух основных павловых образов Церкви, Тела и Невесты, способствуют осмыслению двуединой природы Церкви. С одной стороны, Церковь, воедино со своей Главой Христом, *Первосвященником вечных благ*, находится в непрестанном состоянии ожидания, ходатайства и озарения благодатными дарами Святого Духа, по обетованию самого Господа: «Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек» (Ин 14:16). В небесной Литургии Первосвященник Иисус «ходатайствует за нас» (Рим 8:34; 1 Ин 2:1), предстоит «ныне за нас пред лице Божие» (Евр 9:24).

Вместе с тем, Дух незыблемо пребывает в Церкви по обетованию Господа и устремляет ее внутренним желанием и томлением к встрече с небесным Женихом. Таким образом, Церковь непрестанно возрастает, «Словом созидаемая, совершаемая Духом»¹. Уместно еще иллюстрировать эту таинственную двойственность Церкви упоминанием слов о. Георгия Флоровского о том, что Церковь всегда находится одновременно в двух состояниях: *in statu viae*, то есть на пути, и *in statu patriae*, то есть уже в отчизне. Будучи на пути, Церковь устремлена чрез все свое сакраментальное и молитвенное делание к выявлению Царства, будущего Града, так как мы «не имеем здесь постоянного града» (Евр 13:14). Но будучи уже в отчизне, таинства Церкви и сама Церковь как Таинство спасения являются предвосхищением и начатком благодатного общения Троичного Царства, которое уже внутри нас.

Ввиду этой двойственности природы Церкви, которая и на пути и в отчизне, и в устремленности ко Христу в Духе, почивающем в ней, и в непрестанном даровании Духа от

¹ Ирмос 3-й песни канона 3-го гласа Октоиха.

Главы Церкви Христа, следует очень бережно и трезво относиться к понятию евхаристической экклезиологии. Необходимо учесть, что таинство Евхаристии неотделимо от всей полноты церковной жизни, таинств, молитвы, благовестия.

В настоящее время в наших западных приходах придается большое значение таинству крещения — как таинству вступления в Церковь, как Таинству Царства, по выражению о. Александра Шмемана. Нередко чинопоследование крещения совершается в начале самой Божественной литургии, при участии всего церковного народа, что подчеркивает соборную, церковную природу таинства крещения, слишком часто понимаемого и совершаемого как частная, семейная треба.

Восприемники не только отвечают за крещаемого, но и представляют всю церковную общину, которая в своей совокупности несет перед Богом ответственность за отречение крещаемого от сатаны и сочетание Христу.

Скажу еще, что всякое вхождение через врата Церкви носит крещальный характер. Потому и можно говорить о крещальном измерении всей христианской жизни, ибо «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф 6:12).

Итак, крещальное измерение христианской жизни предполагает весь путь личного и всецерковного подвига духовной брани и стяжания Святого Духа. Можно было бы еще остановиться на глубоком сродстве всецерковной жизни в таинствах и Евхаристии и личного духовного делания, находящего свою подлинную глубину и силу в умном делании, в призывании Имени Иисусова. Укажу лишь, что древнее христологическое призывание *Кирие, элейсон*, с арамейским аналогом *Маранафа*, есть уже исполнение слов апостола Петра в День Пятидесятницы: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется» (Деян 2:21). Тем самым, это призывание является уже древним апостольским ядром поздней классической формулы Иисусовой молитвы.

Крещальное измерение христианской жизни многообразно и богато. Покаянная практика исходит от крещального таинства, совершаемого во оставление грехов. Так же как и крещение, покаяние открывает двери к Евхаристическому приобщению.

Погружение в крещальную купель, в «Иорданские воды», освященные призыванием благодати Святого Духа, на всю нашу жизнь совершает нас в смерть Его крестившимися, причастниками Его воскресения. «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь» (Гал 3:27).

Крещальное исповедание Троичного символа веры продолжается во всей жизни новопросвещенного и утверждается в соборном троичном исповедании веры в самой литургии.

Крещальное уневещение человеческой души Христу, как посвящение в царственное священство, отображается и в брачном единении супругов, сочетавшихся во образ единения Христа и Церкви. Также и монашеское пострижение с новым именем и одеянием носит характер обновления крещальных обетов.

Если, наконец, вернуться к евхаристической полноте, скажу, что в ней сосредотачиваются и находят свое свершение все таинства Церкви — крещение, покаяние, брак, священство. Весь церковный годичный круг праздников, постов, память святых и молитва за усопших, ходатайство за весь мир, — все это находит свое свершение и единство в литургии, в которой «вспоминается» все домостроительство спасения и в которой «присутствует» вся Церковь неба и земли, собранная вокруг Агнца.

Закончу этот обзор евхаристической жизни Церкви указанием на центральное место Воскресного Дня в седмичном круге — в двух моментах. Во-первых, Воскресный День завершает седмицу, которая всецело к нему устремлена, готовясь к встрече с Воскресшим Христом. Но тут Воскресный День переходит за пределы седмичного круга и является предвкушением Восьмого Дня Царствия Божия, уже грядущего в силе. Воскресная Евхаристия осмысливает этот семидневный путь, выводя нас к царственной встрече и общению с Господом.

Но с другой стороны, Воскресный День открывает новую седмицу, пролагает путь в мир. «С миром изыдем» означает не конец Божественной литургии, а продолжение ее в другом измерении, когда, напоенные Чашей жизни и исполненные благодати Святого Духа в таинстве причащения как непрекращающейся Пятидесятнице, мы выходим в мир как благовестники Царства: «Шедше, научите вся языки» (Мф 28:19).

Наконец, после выхода из храма в продолжающейся Евхаристии совершается наша встреча с братом, с ближним, когда мы узнаем в нем Самого Христа. «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф 25:40). Итак, можно говорить о литургии как о непрекращающемся делании, о литургии до литургии и о литургии после литургии.

Таким образом, вся наша жизнь — личная, общественная, всецерковная — призвана быть овеваемой тихим или бурным дуновением Святого Духа, просвещаемой Светом Христовым, возгораемой Огнем Духа, исполняемой Любовью Отчей. Все это можно назвать воцерковлением всей нашей жизни. Это воцерковление жизни есть программа и содержание нашего церковного пути, исходящего от крещальной купели и завершающегося в приобщении Евхаристической Чаше. Крещение и Евхаристия в глубине неотделимы друг от друга, и можно говорить о единой крещальной литургии. Крещение ведет к Евхаристии и завершается ею, а сама Евхаристия исходит и вечно коренится в крещальных обетах и в троичном погружении. Этим осмысливается и оправдывается определение богomyслия о Церкви как экклезиологии крещальной и евхаристической.